

гунова оправдалась неожиданно возникшей болезнью. Тогда инспектор прождал у них несколько дней, после этого засомневался и вызвал доктора. В итоге их отправили в Иркутск, где сначала посадили в «две комнатки», но после позволили переехать в частную квартиру [8, с. 122-126]. Также историю о своеобразном порядке пребывания П.Г. Заичневского в тюрьме рассказывает очевидец [4, с. 180-182] и о собственном опыте мягкого содержания Л. Ф. Пантелеев [5, с. 354-359.].

В начале 1860-х чиновники относились к политическим преступникам достаточно мягко. Пока революционное движение не стало массовым, местные полицейские чины могли позволить себе допускать некоторые послабления в содержании политических преступников. Потом ход развития общественной жизни заставил их пересмотреть эти подходы.

Библиографический список

1. Герцен А.И. Тобольское дело. В кн: материалы для будущей истории Сибири и ссылки Михайлова. Лейпциг, 1881.
2. Государственные преступления в России в XIX веке / Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Т. 1. СПб., 1904.
3. Красноперов И.М. Записки разночинца. М.-Л., 1929.
4. О минувшем: Ист. сб. СПб., 1909.
5. Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1958.
6. Рощевская Л.П. Тобольское дело (М.И. Михайлов, тобольское общество и доносчики). Новосибирск, 1983.
7. Соболевский А.В. Статья «Тобольское дело» в герценовском «Колоколе» и общественное движение в Западной Сибири начала 60-х XIX в. Новосибирск, 1982.
8. Шелунов Н.В., Шелунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в двух томах. Т. 1. М., 1967.
9. Шелунов Н.В., Шелунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания в двух томах. Т. 2. М., 1967.

Д.И. Гилманов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

СЛУХИ О ВОЛЕ В КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩИНАХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Отечественная историография крестьянского движения, прекратив в конце прошлого столетия исполнять функции прибора для измерения «классовой борьбы трудящихся масс», рассматривает феномен аграрных беспорядков середины XIX в. в контексте поиска конкретных причин поведения

общины как социально-хозяйственного института: центральной задачей современных исследователей становится выяснение сдвигов в настроении крестьян и определение мотивов их выступлений [3, с. 9]. Подобный ракурс позволяет представить крестьянские слухи в качестве основного инструмента, с помощью которого российский пахарь мог сформировать и презентировать свой взгляд на содержание и динамику общественных трендов середины XIX в. Логично предположить, что структура социальных процессов в крестьянской среде представляла собой сумму региональных кейсов, несводимую в общем к некоему среднему арифметическому. Поэтому анализ социальной активности конца 1850-х гг. следует начинать с изучения ситуации в отдельных районах империи, где отразился высокий уровень крестьянского протеста во время обнародования Положений 19 февраля 1861 г., т.е. в губерниях черноземного центра и Среднего Поволжья [5, с. 154]. Дефицит источниковой базы заставляет обращать внимание, в первую очередь, на наиболее яркие его проявления. Особый статус в данном случае принадлежит Казанской губернии: именно здесь произошла одна из самых крупных протестных акций по поводу условий Крестьянской реформы – волнение в селе Бездна Спасского уезда, массовый характер которого был обусловлен многочисленными сельскими слухами о «настоящей воле» [1, с. 53].

Распространение слухов о даровании помещичьим крестьянам «вольности», начиная со времени их появления в конце XVIII в., носило спорадический характер. В Казанской губернии дореформенного периода можно выделить, как минимум, две вспышки подобных слухов – первая относится к 1830-м гг., когда правительство, боясь общего восстания пыталось пресечь агитацию против местных землевладельцев, вторая возникла в 1856 г. и стала одной из причин роста аграрных беспорядков во время подготовки Крестьянской реформы: за весь этот период (с 1856 по 1860 гг.) в помещичьих имениях Казанской губернии было выявлено свыше 20 эпизодов крестьянского «неповиновения». Наиболее показателен случай, произошедший в имении князя И.Я. Болховского в июне 1858 г., когда крепостной крестьянин сельца Болховки Спасского уезда Алексей Иванович Земков стал распространять «вредные слухи, заключающиеся в том, что будто бы помещики здешнего места не соглашаются отпустить крестьян своих на волю и что будто бы за это высылаются в Казанскую губернию по палачу на каждого помещика» [2, оп. 2. д. 1491. л. 1-1об.]. Обращает на себя внимание не только прямолинейность крестьянских представлений о наказании «провинившихся» землевладельцев, но и их уверенность в реальности существования санкции на такое наказание со стороны верховной власти. Мы видим здесь единственный аргумент, «оправдывающий» казнь помещиков – дарование «воли», которое представляется крестьянам уже со-

вершившимся актом. При этом, отсутствие официального разглашения документов об освобождении выглядит для крестьян совершенно естественным, поскольку уже тогда многие общинники подозревали своих землевладельцев «в умышленном сокрытии от них указа о вольности» [1, с. 15], и передавали информацию из уст в уста. Так, в ходе следствия оказалось, что Земков был не единственным «автором» слухов, а лишь пересказывал слова другого крестьянина Ивана Кирпичева, который слышал о «воле» от одного из дворовых людей, посещавших Казань [7, с. 99].

Дворовые люди, число которых в Казанской губернии было больше, чем в ряде других российских губерний [7, с. 79], являлись по сути главными поставщиками сведений из города в село, наряду с крестьянами-отходниками. Еще в ноябре 1857 г. жандармский офицер Ларионов сообщал в III отделение о «толках», распространяемых дворовыми людьми, что «крепостное состояние в государстве нашем уничтожено» [1, с. 14]. Отмечая «явно злонамеренный» характер данных слухов, Ларионов указывал их – первоисточник – письма из Петербурга и Москвы от родных и знакомых «многим здешним жителям». Получается, механизм распространения слухов в губернии выглядел примерно следующим образом: сначала через письма из столиц информация поступала в Казань, затем благодаря дворовым доходила до уездов, а после передавалась изустно между крестьянами разных селений. Так, вопреки мнению некоторых исследователей, слухи вовсе не были свидетельством «легковерия, наивности и непонимания основ существовавшего общественного строя» [4, с. 831]. Просто на каждом этапе передачи сведения проходили такую обработку, что в конце концов превращались в удобный шаблон для конвертации крестьянских нужд, объединенных общей категорией «воля».

Создается впечатление, что для помещичьих крестьян гораздо важнее была информация о наличии «воли», чем официальные условия ее предоставления. Таким образом община пыталась отстаивать свое *право на существование*, определяемое Дж. Скоттом как «универсальный активный моральный принцип для всех крестьянских обществ» [6, с. 38]. Осознавая неотвратимость разрыва своих традиционных связей с барином, общинники стремились, по крайней мере, отстоять те свои *морально-экономические* права, которые рисковали потерять в ходе готовящейся реформы.

Библиографический список

1. Вульфсон Г.Н. Жаждали воли. Казань, 1986.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 1.
3. Кабытов П.С. Современные проблемы изучения аграрной истории Среднего Поволжья // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2(93).
4. Миронов Б.Н. Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т.64. № 3.

5. Найденов М.Е. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861-1863 гг.). Москва, 1955.

6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Москва, 2015.

7. Устюжанин Е.И., Вульфсон Г.Н. Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859-1861 годов // Ученые записки Казанского государственного университета. 1952. Т. 112. № 5.

Е.Е. Ханжин

Оренбургский государственный педагогический университет

АРЕСТ ПИСАТЕЛЯ М.В. АДДЕЕВА КАК ПРОЛОГ ОТСТАВКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ОРЕНБУРГСКОГО ГУБЕРНАТОРА Е.И. БАРАНОВСКОГО

Михаил Васильевич Авдеев — известный писатель середины XIX века, перу которого принадлежат такие произведения как «Подводный камень», «Поездка на кумыс», трилогия «Тамарин» — родился в 1821 году в Оренбурге в казацкой семье. Будущий писатель получил хорошее образование — его первым учителем стал Фома Зан, который вероятно и привил своему подопечному любовь к литературе. Михаил окончил гимназию в Уфе, затем Институт корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге и в 1842 году поступил на государственную службу, которая продлилась до 1852 года, после чего Авдеев подал в отставку, решив посвятить себя карьере писателя. Но начавшаяся вскоре Крымская война не позволила в полной мере сосредоточиться на писательской деятельности — М.В. Авдеев был избран начальником дружины оренбургского ополчения [4, с. 5], снаряжением которого занимался Е.И. Барановский (на тот момент вице-губернатор Оренбургской губернии). После реформы отмены крепостного права Михаил Васильевич стал членом присутствия по крестьянским делам. Но занимал эту должность Авдеев недолго — в 1862 году он был неожиданно арестован и сослан в Пензу за «антиправительственную деятельность». Пролить свет на весьма странные обстоятельства ареста и заключения позволяют источники личного происхождения [3] вышеупомянутого Е.И. Барановского, который был близким другом писателя.

Исходя из записок Е.И. Барановского, М.В. Авдеев в 1862 году приехал в столицу с прошением выехать за границу, но на следующий день после прибытия был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Сразу после ареста писателю заявили, что он был задержан по ошибке, вместо другого Авдеева — его однофамильца. Но свободу Михаилу никто не даровал и через 10 дней пребывания под арестом его перевели в тюрьму Третье-